

ОБЛАСТНИКИ И ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Раскрывается роль областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина в пропаганде университетской идеи в Сибири и открытии Императорского Томского университета; рассматривается полемика областников с В.М. Флоринским по университетскому вопросу.

В последнее время заметен интерес к истории образования в Сибири в XIX–XX вв. [2, 13, 16–19, 23, 25]. Не составляет исключения и история открытия Томского университета и роли в этом процессе областников [21, 35]. В опубликованной в 2004 г. статье И.Н. Гемуева и С.А. Гущиной «Ученые-сибиреведы и первый сибирский университет» [3] излагается краткая историография этого вопроса. Особое внимание авторы уделяют личности одного из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцева, для которого университет являлся «едва ли не главным делом жизни».

Известно, что роль областников в открытии университета неоднозначно оценивалась современниками. Так, устроитель Томского университета В.М. Флоринский в воспоминаниях, а они были опубликованы через 7 лет после его смерти в журнале «Русская старина», выразил свое несогласие с заявлением Б.Б. Глинского, биографа Н.М. Ядринцева, о том, что Ядринцев «первый после Сперанского, начал пропагандировать эту идею (создания в Сибири университета. – С.Н.), ее проводил он красной нитью во всех своих статьях, каково бы ни было их содержание, он за нее представлял перед местной и столичной администрацией, он собрал на основание университета громадные суммы, он приветствовал его возникновение и о нем он говорил еще в наши дни... Ратуя всю свою жизнь за необходимость высшего рассадника просвещения на востоке, Николай Михайлович органически связал свое имя с Томским университетом, явившись его создателем и пророком» [14. С. 425].

В.М. Флоринский как человек, который отдал много времени и сил организации первого университета в Сибири, посчитал своим долгом пояснить читателям, что мнение, высказанное Глинским, «совершенно не соответствует действительности». В первую очередь Флоринский поставил под сомнение существование какого-либо общества, организованного по инициативе областников для собирания пожертвований на университет. Публичная лекция Н.М. Ядринцева в Омске (1863 г.), по его мнению, «не произвела ни малейшего действия на денежных сибиряков. Да вряд ли кто-нибудь и знал о ней, кроме слушателей вышеупомянутого литературного вечера, да редактора «Томских ведомостей» [10. С. 590].

И далее он пишет: «На призыв проповедника не откликнулась ни одна душа. Зато молодая сибирская интеллигенция, разделявшая идеалы Ядринцева, приняла к сведению его идею о теоретической возможности создать в Сибири университет на местные средства, не обязываясь правительству. Не находя этого в действительности, сибирские патриоты стали культивировать эту идею в устном предании и в местной прессе, стараясь доказать, что Томский университет, главным образом, обязан самим сибирякам» [10. С. 590].

Друг и соратник Н.М. Ядринцева Г.Н. Потанин не замедлил откликнуться на воспоминания В.М. Флоринского. В том же 1906 г., когда они увидели свет, он в трех номерах газеты «Сибирская жизнь» (29 октября, 1 и 2 ноября) подверг резкой критике попытки В.М. Флоринского претендовать на статус идеолога открытия университета в Сибири. Потанин наградил Флоринского нелестными эпитетами и обвинил его в том, что тот присвоил себе заслуги Н.М. Ядринцева в создании Сибирского университета. «Страницы, посвященные Ядринцеву, – пишет Г.Н. Потанин, – самые неприятные в записках Флоринского. В них сквозит желание автора оттереть Ядринцева в прихожую или даже за входную дверь, а самому сесть под святые... На всем протяжении своих записок Флоринский усиленно старается доказать мысль, что Сибирь обязана университетом правительству, а не местному обществу...» [32]. В 1907 г. в своей брошюре «Областническая тенденция в Сибири» Г.Н. Потанин повторил эту же мысль: «В истории открытия сибирского университета Ядринцев сыграл значительную роль; Флоринский в своих воспоминаниях отрицает инициативу Ядринцева в этом деле и приписывает ее себе, но в кругу сибирских патриотов сохранилось совершенно противоположное предание. Так или иначе было дело, во всяком случае, вне сомнения, что Ядринцев был самым неутомимым популяризатором этой идеи в литературе и обществе» [27. С. 98]. Какой же в действительности была роль областников в университетском вопросе, какую лепту они внесли в пропаганду и реализацию университетской идеи? Кому принадлежит пальма первенства в этом важном для Сибири деле?

Кратко напомним историю появления и развития университетской идеи. Впервые вопрос об открытии в Сибири университета возник в начале XIX в. На основании «Предварительных правил народного просвещения», опубликованных в январе 1803 г., намечалось учредить «для преподавания наук в высшей степени» университеты в Санкт-Петербурге, Казани, Харькове, Киеве, Тобольске, Великом Устюге. Они должны были пополнить число уже действовавших к тому времени университетов в Москве, Вильно и Дерпте. Выбор из сибирских городов Тобольска объяснялся тем, что этот город являлся административным центром Сибири и был расположен на главном пути, ведущем из центра России в глубь Сибири. В том же 1803 г. «ревнитель русского просвещения» уральский промышленник Павел Григорьевич Демидов пожертвовал сумму в 100 тыс. руб. на университеты в Киеве и Тобольске.

Однако намечаемое учреждение университета в Сибири состоялось лишь спустя 75 лет. Для этого было много причин. Одной из них было то, что в начале XIX в. на огромных сибирских просторах проживало

всего около 1 млн 200 тыс. человек, а уровень образования местного населения оставлял желать лучшего.

Ко времени приезда М.М. Сперанского в Сибирь (1819 г.) там имелось всего две гимназии: Иркутская и Тобольская, открытые соответственно в 1806 и 1809 гг. В Тобольской гимназии до 1823 г. число учеников не превышало 27, в иркутской – в год основания было 35 учеников, а в 1825 г. – 47 [15. С. 131].

Эти гимназии не могли еще дать значительного числа людей со средним образованием, а лиц с высшим образованием в Сибири в то время и вовсе не было. Тот же Сперанский сетовал, что не нашел исполнителей для успеха задуманных им реформ в Сибири. Из России же на службу в Сибирь просились, как он писал В.П. Кочубею, «титularные советники», которые вследствие своего невежества и указа об университетских экзаменах не имели возможности получить чин асессорский, «только вожделенный». Такие люди, считал Сперанский, «не приносили никакой пользы краю, предаваясь исключительно канцелярской деятельности» [12. С. 23].

М.М. Сперанский покинул Сибирь в 1821 г., а спустя два года попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий (Сибирь до 1859 г. относилась к Казанскому учебному округу) и генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич почти одновременно вошли с представлением об учреждении высшего учебного заведения в Сибири. На основании имеющейся литературы невозможно с точностью определить, как взаимосвязаны проекты М.Л. Магницкого и П.М. Капцевича, т.е. было ли их появление случайным или один явился следствием другого. Так, например, С.В. Рождественский отмечал, что рапорт П.М. Капцевича был представлен в виде поддержки проекта М.Л. Магницкого. Однако этот автор в подтверждение своих слов не приводит никаких ссылок на имеющиеся источники. По мнению В.С. Манассеина, первенство в постановке этого вопроса можно отдать проекту М.Л. Магницкого, хотя он был представлен на 10 дней позже рапорта П.М. Капцевича, так как последний вступил в должность генерал-губернатора в марте 1822 г. и вряд ли мог заняться в первую очередь вопросами народного образования. Наряду с этим Манассеин считает, что между этими проектами не было непосредственной связи [24. С. 22–23].

Предложения Магницкого о высшем училище Сибири еще в 1822 г. были всесторонне обсуждены в совете Казанского университета, а 30 марта 1823 г. он представил соответствующий доклад по этому вопросу министру духовных дел и народного просвещения. Магницкий предлагал учредить в Барнауле за счет упомянутого выше демидовского капитала и на местные источники высшее училище как отделение Казанского университета. Предполагалось, что это училище будет готовить учителей для сибирских гимназий и училищ, студентов для пекинской миссии, чиновников для местных административных и судебных учреждений, а детям промышленных классов давать «образование и руководство к торговле с Китаем, в мануфактурах, языках и проч.» [29. С. 158]. Магницкий предлагал также учредить гимназию в Енисейске и несколько уездных училищ.

В свою очередь генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич в рапорте на имя Александра I от 20 марта 1823 г. указывал на недостаток нравственных начал в сибирском населении, нехватку «просвещенных чиновников» и на невозможность сибирякам по бедности получать образование в Европейской России. Он предлагал учредить в Сибири высшее учебное заведение и гимназию в Томске. Капцевич полагал, что создание высшего училища в центре Сибири было бы весьма полезным для «утверждения народной нравственности и, наконец, для доставления способов сибирскому юношеству участвовать в высшем образовании» [3. С. 141]. В августе 1823 г. проект Магницкого и представление генерал-губернатора Капцевича были рассмотрены Сибирским Комитетом, который согласился с тем, что высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибирью правилами». Однако в проект Магницкого были внесены существенные изменения. Вместо Барнаула местом размещения училища был указан Томск. На этом особенно настаивал томский губернатор П.К. Фролов. Он ссылаясь на то, что Томск являлся губернским городом, занимал центральное положение, располагал удобными средствами сообщения и здоровым климатом. Местный надзор за училищем должен был осуществляться гражданским губернатором. Положение Сибирского Комитета было утверждено 24 февраля 1824 г. После этого дело было возвращено в министерство для подробной разработки, где в конечном итоге и застопорилось [3. С. 142].

Если говорить об успехах развития образования в Сибири, то они вплоть до 50-х гг. XIX в. не были особенно впечатляющими. Открылось несколько приходских училищ, в том числе в Канске (1822 г.), Томске (1829 г.), женский сиропитательный дом в Иркутске (1838 г.), мужская гимназия в Томске (1838 г.), девичий институт в Иркутске (1845 г.) и Маринская женская школа в Тобольске (1845 г.) [15. С. 136].

Вновь вопрос об университете в Сибири был поставлен в 1856 г. в докладе министра народного просвещения А.С. Норова перед императору Александром II. Министр, в частности, писал: «Эта благодетельная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия для края, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают только животворного содействия науки, чтобы доставить государству не исчисленные выгоды. Министерство займется начертанием плана сего высшего учебного заведения, которое, не теряя своего Университетского характера, должно быть числом, составом и направлением своих факультетов, приспособлено к потребностям страны» [30. Л. 196].

Однако и это предложение осталось невыполненным главным образом из-за нехватки выпускников гимназий и недостаточного развития народного образования в Сибири в целом. В течение последующих двадцати лет Министерство народного просвещения было занято главным образом вопросами устройства училищ в Сибири и учреждением новых учебных заведений в Европейской России.

Немногочисленные в то время сибирские гимназии оставляли желать много лучшего. Остро ощущалась

нехватка учителей, пополнение которых нередко шло за счет случайного подбора. Как свидетельствуют сибирские хроники, в 40-х и 50-х гг. XIX в. учителями нередко становились отставные чиновники, семинаристы, частные приставы. Понятно, что при таких педагогах сибирские гимназии не могли пользоваться влиянием. Учащиеся в основной массе были лишены любознательности, стремления к продолжению обучения.

Однако в 60-х гг. начинается заметное развитие образования в Сибири. Не последнюю роль в этом сыграли проводимые в стране реформы. В 1869 г. открылись гимназия в Красноярске и прогимназия в Якутске, а на следующий год – прогимназия в Николаевске на Амуре. Тем не менее число уездных училищ оставалось таким, каким оно было при Сперанском. В Сибири к тому времени существовали еще 4 духовные семинарии (Тобольская, Иркутская, Томская и Якутская).

Начинают устраивать школы на селе крестьянские общества. В городах возникают общества для вспомоществования учащимся. Их главной целью был сбор средств на получение высшего образования нуждающимися воспитанниками гимназий и духовных семинарий. Благодаря этим мерам число учебных заведений и народных школ в Сибири быстро возрастает.

Так, например, если в Томской губернии в 1860 г. насчитывалось всего 22 учебных заведения, подведомственных дирекции училищ, с числом учащихся 1185 человек (в том числе в гимназии 148 учащихся), то к 1873 г. в губернии было уже 108 училищ, подведомственных дирекции, с числом учащихся 3757 человек (в том числе в гимназиях: мужской – 298, женской – 205 человек) и 14 училищ, не подведомственных дирекции, с числом учащихся 633 человека. В целом по губернии за 20 лет количество учебных заведений увеличилось почти в 9 раз, а число учащихся – в 6 раз.

Тенденция к развитию образования наметилась не только в Западной, но и в Восточной Сибири, где к 70-м гг. имелось уже 3 гимназии (в Иркутске, Красноярске и Чите) и 3 духовных семинарии (в Иркутске, Якутске и Благовещенске).

Выпускники сибирских гимназий начинают все в большем и большем числе отправляться в университеты европейской части России. Еще в 1858 г. было решено постоянно иметь в Казанском университете 28 казенных сибирских стипендиатов, а в 1864 г. сибирским казенным стипендиатам было разрешено поступать, кроме Казанского, и во все другие университеты, преимущественно же в столичные [36. С. 613]. Неуклонно росло число студентов-сибиряков в высших учебных заведениях Казани, Москвы и Петербурга. Если в 1851 – 1855 гг. их насчитывалось более 50, в 1856 – 1860 гг. – более 100, то в 1861 – 1865 гг. – более 200 [11. С. 139]. В 1886 г., накануне открытия Томского университета, число студентов-сибиряков в Петербурге, в Москве и Казани составило 236 человек [34].

Таким образом, учебное дело в Сибири, несмотря на неблагоприятные местные условия, развивалось. К середине 70-х гг. XIX в. созрели все необходимые условия для возвращения к вопросу об университете в Сибири на правительственном уровне. В его решении была заинтересована не только общественность Сибири. Это диктовалось и насущными потребностями хозяйст-

венного освоения края. К тому времени численность населения Сибири возросла до 5 млн человек. Все это, безусловно, требовало подготовки высококвалифицированных специалистов непосредственно на месте.

Как к созданию университета в Сибири относилось постепенно формировавшееся сибирское общество? С появлением сибирских газет университетский вопрос стал оживленно обсуждаться. Много внимания этой проблеме уделяла и столичная пресса. «Даже пресловутая железная дорога, столь интересовавшая все русское общество, не привлекла к себе в Сибири, такого всеобщего внимания как университет», – писала газета «Восточное обозрение» [8].

Большую роль в пропаганде идеи университета в Сибири сыграли сибирские областники, и в первую очередь их лидеры – Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) и Николай Михайлович Ядринцев (1845–1894). Они являлись авторами первых значительных статей о Сибирском университете.

Их деятельность, направленная на пропаганду и отстаивание идеи необходимости открытия университета в Сибири, начиналась в Петербурге, куда они приехали учиться в конце 50-х гг. Выходцы из Сибири образовали там кружок, на заседаниях которого обсуждались вопросы, связанные с экономической жизнью Сибири, состоянием культуры и просвещения края, колониальной политикой правительства и т.д.

Позднее Г.Н. Потанин писал, что они (сибиряки-студенты. – С.Н.) «сознавали, что над Сибирью тяготеют три зла: деморализация ее населения как в верхних, так и в нижних слоях, вносимая в край ссылаемыми социальными отбросами Европейской России, подчиненность сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей встать на защиту интересов обездоленной родины» [26. С. 66].

На своих встречах студенты-сибиряки впервые стали обсуждать вопрос о «значении в крае университета и необходимости его для Сибири». Н.М. Ядринцев, вспоминая свои студенческие годы, писал: «В оживленном кружке студентов-сибиряков Петербургского университета шел разговор о Сибирском университете. Как занесена эта идея, кем, я не помню, но она была принята с восторгом. Мысль и предложение, погребенное с 1803 г., мысль, оставленная администраторами как преждевременная, возродилась и охватила юные сердца... В юном воображении нам представлялся уже университет открытым, мы представляли его в роде роскошного здания, к которому стеклись все разнообразные произведения нашей родины. Порттик должен быть из белого мрамора с золотой надписью: “Сибирский университет”. Нет, лучше на черном, внутренность из малахита, яшм, кругом сад, в котором сосредоточивается вся сибирская флора. В кабинеты доставлены коллекции со всей Сибири, общественная подписка дала огромные средства. Аудитория кишит народом, где мы встречаем рядом с плотными и коренастыми сибиряками наших инородцев – наш друг Пирожков, изучивший философию Гегеля, был для нас примером; университет привлечет японцев и китайцев, – говорили другие. Так развивалась мечта. «Доживем ли до этого? – раздавался скептический голос. И потом

опять сменялось детской радостью и кончалось пением «*Gaudeamus igitur*» и казанской студенческой песней: «От зари до зари, Как зажгут фонари...» [5].

Эти собрания продолжались в течение двух лет. В них принял участие и приехавший в Петербург С.С. Шашков. Однако многие сибиряки вынуждены были оставить университет вследствие студенческих волнений, вызванных введением «Правил о некоторых преобразованиях по университетам», разработанных министром народного просвещения Е.В. Путягиным. В них активное участие принял Г.Н. Потанин, который в октябре 1861 г. был заключен в отдельный каземат Петропавловской крепости и пробыл там до начала декабря. Вскоре он принял предложение П.П. Семенова-Тян-Шанского направиться переводчиком и натуралистом в экспедицию астронома К.В. Струве, организованную Русским географическим обществом для обследования озера Зайсан и Восточного Тарбагатай. Осенью 1862 г. он выехал в Омск, откуда начиналась экспедиция [35. С. 68–74].

Осенью 1863 г. возвращается в Сибирь и Н.М. Ядринцев вместе с С.С. Шашковым, Ф.Н. Усовым, Н.И. Наумовым, они намерены заняться воплощением того, о чем так мечтали в Петербурге. «Мы все явились в Сибирь в каком-то восторженном состоянии экзальтированных прозелитов новой идеи, одушевлявшей нас. Мы могли говорить о Сибири, о ее обновлении, о будущих задачах целые часы, горячо, пламенно говорить. Спорам, разработке деталей, мечтам не было конца. Воображение живо переносило нас в даль будущего. Нам представлялось все в розовом цвете. Мы короновали, изукрашали свою родину, как невесту, всеми нарядами, всеми цветами нашей души; явившись в сибирское общество, у нас явилась потребность скорее высказаться, передать, провести свои идеи в жизнь, пробудить и заставить жить это общество. Мало того – заставить трепетать его и воспламеняться тем же огнем, какой кипел в нас. Мы неустанно пропагандировали везде обновление Сибири и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и зажигать сердца» [22. С. 50].

Приехав в Томск, Ядринцев стал свидетелем некоторого оживления общественной жизни в этом городе. Там открылась публичная библиотека, читались лекции. В этом была большая заслуга преподавателя местной гимназии, учителя словесности Д.Л. Кузнецова, выпускника Казанской духовной академии. Ядринцев близко сошелся с томским старожилом А.П. Пичугиным, человеком большого ума, его кружком и несколькими семинаристами. Местная молодежь «рвалась в университет». Ядринцев договорился с Пичугиным «помогать ей добиваться знания всеми средствами» [4].

Уладив свои дела, Н.М. Ядринцев выехал в конце лета в Омск, где встретился с Г.Н. Потаниным. Они поселились вместе. Однако зимой 1863 г. Потанин отправился в составе экспедиции Н.В. Струве в Зайсан, где пробыл около года. В Омске Ядринцеву пришлось зарабатывать на жизнь, давая уроки. В это время его особенно заинтересовала идея открытия университета в Сибири. Он прекрасно понимал, что дело не сдвинется с места до тех пор, пока не удастся добиться проявления широкой общественной инициативы, и решил пуб-

лично высказать свои соображения о сибирском университете.

В конце 1863 г. Г.Н. Потанин прочитал публичную лекцию об университете в Семипалатинске, а Н.М. Ядринцев – в Омске на литературном вечере, устроенном для сбора средств на школу для казачьих детей. На этом вечере Ядринцев произнес пламенную речь, посвященную идее открытия сибирского университета. Вначале он кратко изложил историю колонизации русскими Сибири, выделив в ней два периода. Первый, по его словам, «отличаясь завоевательным характером, народными эмиграционными стремлениями рядом с правительственными заселениями, представляет только попытки к осуществлению той гражданской жизни, полное и самоотверженное развитие которой должно осуществиться в будущем». Новый период, полагал Ядринцев, должен начаться с осознания местным населением настоящих интересов края, избавлением от прежних ошибок и созданием «более лучших форм общественной гражданской жизни». На первый план должна выступить потребность «в более совершенном образовании народа и развитии его духовных сил». Отсюда и зародилась идея создания сибирского университета.

«Известно, – говорил Н.М. Ядринцев, – что сибирский университет с давних пор составляет самую заветную мечту, самый любимый идеал сибиряков-патриотов. Почти нет ни одной статьи о Сибири, нет ни одной книги, занятой описанием ее, чтобы не высказывалась в них мысль о необходимости высшего учебного заведения в нашем крае. Несмотря, однако, на то, что эта мысль въелась в наше общество, сроднилась с ним и сделалась святым желанием и самой близкой потребностью, она остается до сих пор одною мыслью, даже без серьезных попыток к приведению ее в исполнение. До сих пор она считалась одним предположением в будущем, и в будущем далеком, между тем как потребность в создании университета все более и более выяснялась и становилась настоятельнее» [37].

Затем он обратил внимание слушателей на те трудности, с которыми приходилось сталкиваться молодым сибирякам, намеревавшимся получить университетское образование в университетах Европейской России. В отсутствие университета в Сибири они были вынуждены отправляться за тысячи верст, по словам Ядринцева, «часто чуть не пешком, без всяких средств к жизни». Им приходилось ютиться «на смрадных чердаках столиц и в бедных каморках провинциальных университетских городов». Другие же, кто на это не решался, «несмотря на свою готовность к пожертвованиям» и «желание получить высшее образование», оставались в Сибири и оказывались «затертыми в душных сферах невежественной среды, опустившимися, одряхлевшими, с разбитыми надеждами и энергией», хотя они когда-то и стремились «лучшими силами души принести пользу своему краю, своей родине».

Однако многие из тех, кто окончил высшие учебные заведения, не возвращались в Сибирь, предпочитая остаться в Европейской России, где имелись более комфортабельные условия жизни. Ядринцев привел фамилии наиболее известных сибиряков, которые после получения высшего образования не вернулись на родину. Это профессора Щапов, Корсак, Чугунов и

Менделеев. Из этого он сделал вывод: «...наше общество, выделяя даровитые личности, не получает от них никакой пользы для своего края». А те немногие, кто возвращались, не вносят «новых элементов в общество», гложут в атмосфере «апатии и квиетизма (бездейственности)».

Н.М. Ядринцев считал, что Сибирь не может удовлетвориться «наезжими образованными людьми из России», главным образом чиновниками, которые мечтают лишь о том, чтобы разбогатеть и вернуться туда, откуда они приехали. «Мы, – подчеркивал Ядринцев, – законно мечтаем о том, чтобы все члены сибирского общества были людьми университетского образования...». «Образованные туземцы» будут «пропитаны той любовью к месту рождения и воспитания, которая удесятерит их силы». «Наш край, – убеждал он, – несколько не исследован и не разработан. Все сокровища нашей земли не приносят нам пользы, потому что мы или не знаем их, или не умеем разработать. Кто знает, сколько богатств мы найдем на земле нашей? Нам нужны теперь и сельские хозяева для создания более рационального хлебопашества, нам нужны и минералоги и геологи для открытия минералогических богатств, нам нужны технологи для создания правильной заводской и фабричной промышленности, нам нужны географы, статистики, зоологи и ботаники!»

Таким образом, университетский вопрос идеолог областничества рассматривал не только как открытие университета, но и «прекращение отлива молодых сил из края», а на университет смотрел, как на одно из средств достижения этой цели.

Доклад Н.М. Ядринцева заканчивался следующими словами: «Сибири суждена роль – создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария. Сибирский университет будет зародышем этой цивилизации. Мы указали на средства, которыми он может как можно скорее осуществиться; а обществу остается сказать: мы хотим университета, мы готовы дать средства, и сибирский университет будет, будет и будет!!» В начале 1864 г. текст выступления Н.М. Ядринцева в Омске был напечатан в «Томских губернских ведомостях» [37].

В этой же газете публиковал свои статьи и корреспонденции Г.Н. Потанин. В них также поднимался университетский вопрос [39]. В одном из своих писем Н.С. Щукину, датированном 2 мая 1865 г., он просил Щукина прислать для публикации в «Томских губернских ведомостях» тексты лекций, которые тот читал в Иркутске [28. С. 43].

Большой резонанс вызвали публичные лекции С.С. Шашкова по истории Сибири в Красноярске, а затем в Томске. Его последнее выступление в Томске в феврале 1865 г. проходило в переполненном зале Благородного (Общественного) собрания. Г. Потанин, Н. Ядринцев и Е. Колосов заранее ознакомились с текстом лекции. Когда лектор произнес заранее намеченные слова «Нам, т.е. сибирякам, нужен университет!», Колосов прямо с эстрады крикнул: «Нам нужен университет!». Семинаристы, стоявшие около стен, подхватили и вся зала, вспоминая Потанин, начала дружно кричать: «Нам нужен университет!» [26. С. 192–193].

Однако вскоре областники были обвинены в сепаратизме, выразившемся якобы в вынашивании планов «отделения Сибири от России и образования республики, подобно Соединенным Штатам». Последовали аресты, допросы и суровые приговоры. Г.Н. Потанин был приговорен к пяти годам каторжных работ и последующей ссылке, Н.М. Ядринцев – к трем годам тюремного заключения, которое он отбывал в Омске. Свою деятельность, направленную на внедрение в общественное сознание мысли о необходимости для Сибири университета, им удалось возобновить лишь после освобождения. Г.Н. Потанину в конце 1871 г. сократили срок каторжных работ и отправили в Вологодскую губернию к месту ссылки, а в конце 1873 г. он был помилован [35. С. 104, 115]. Н.М. Ядринцев после трехлетнего заключения был выслан в Шенкурск, откуда его вызволил граф Сологуб, пригласив сотрудничать в комиссии по тюремной реформе. Будучи в ссылке он опубликовал ряд статей в «Камско-Волжской газете», выходившей в 1872–1874 гг. в Казани. В статье «Крестовый поход науки на Восток» он подчеркивал значение для этого региона страны просвещения как «самого могучего средства цивилизации» [40. С. 129].

Пропаганда университетской идеи получила значительный размах в 70-х гг. на страницах газеты «Сибирь», издававшейся в Иркутске. «С первых же страниц «Сибирь», – писал Г.Н. Потанин, – превращается в орган для разработки интересов о сибирском университете и об отмене ссылки в Сибирь» [18. С. 301]. Статьи о Сибирском университете стали регулярно появляться и в периодических изданиях, выходивших в Петербурге и Москве [1. С. 297–313].

В статье «Потребность знания на Востоке: по поводу учреждения Сибирского университета», опубликованной в журнале «Дело», Н.М. Ядринцев подробно изложил историю вопроса об учреждении университета в Сибири, состоянии народного образования в Сибири в целом.

Переходя к 70-м гг. XIX в., он отметил рост тяги населения Сибири к образованию и привел веские аргументы в пользу открытия Сибирского университета:

«1. Потребность высшего учебного заведения в Сибири обуславливается отдаленностью страны и затруднением для туземцев отправляться за 6–12 тыс. верст для обучения в русских университетах.

2. Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественно-исторических знаний, без которых богатства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения был крайне низок.

3. Необходимость высшего образования вследствие недостатка учителей и медиков.

4. В видах доставления лучших сил администрации.

5. В видах воспитания общества, создания в нем образованного класса и лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

6. В видах учреждения и поддержания таких ученых и общественных учреждений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

7. В видах разработки науки на Востоке и открытий в сферах географических, исторических, филологических

ских и прочих, которыми должна обогатиться наука, принимая во внимание обширность непечатого для науки азиатского материка.

8. В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

9. В видах воспитания инородцев и дипломатических сношений наших с соседними странами Востока.

10. Для усиления и сохранения русской национальности ввиду новых приобретений и присоединений на Востоке.

11. Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без этого являются немыслимыми» [37. С. 33–69].

В заключение статьи Н.М. Ядринцев подчеркнул: «Отсутствие университета в Сибири обуславливало отсталость и несостоятельность существующих здесь учебных заведений и парализовало их влияние и значение. Открытие университета в Сибири, несомненно, повлияет на умственную жизнь всего края». Позднее, в начале 80-х гг., вышла его книга «Сибирь, как колония» (СПб., 1882), в которой университетскому вопросу также уделено достаточно внимания. В своей работе «Областническая тенденция в Сибири» Г.Н. Потанин, отмечая заслуги Ядринцева в этом вопросе, подчеркивал, что он «выяснил остроту потребности открытия университета в Сибири, растолковал, от какого зла это заведение спасает страну, указал те обстоятельства, которые вопрос об университете из общепросветительского обращения в узко областной, сибирский вопрос» [31. С. 99].

В середине 70-х гг. XIX в., когда университетская идея нашла благоприятные условия для своего развития в самом сибирском обществе, начинается новый этап борьбы за ее практическое осуществление. Обсуждение вопроса об открытии университета в Сибири переместилось в кабинеты государственных чиновников и стало решаться на правительственном уровне. Начало этому положил Н.Г. Казнаков, которого в 1875 г. назначили генерал-губернатором Западной Сибири. В этой должности он сменил умершего А.П. Хрущева, ветерана Крымской войны.

В опубликованных в 1888 г. воспоминаниях Н.М. Ядринцев пишет, что ему довелось познакомиться с Н.Г. Казнаковым зимой 1874 г. Это, по его словам, произошло с подачи сибирского предпринимателя М.К. Сидорова, который еще в 60-х гг. пожертвовал золотоносные площади в Енисейской тайге на строительство университета в Сибири, оценив их в 1 млн рублей. В 1864 г. «Томские губернские ведомости» (№ 8) перепечатали статью из «С.-Петербургских ведомостей», в которой рассказ об этом пожертвовании Сидорова сопровождается следующей ремаркой: «Миллион, конечно, пренебрегать не нужно, но миллион, который так сильно заинтересовал всю публику, был, к несчастью, миллион только на бумаге». Сидоров сообщил Ядринцеву, что назначенный генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаков заинтересовался не только литературой о Сибири, но и делом о Сибирском университете, которое он взял в Министерство народного просвещения для ознакомления. Вскоре состоялась личная встреча Ядринцева и Казнакова. Н.М. Ядринцев в своих воспоминаниях пишет, что он познакомился с Н.Г. Казнаковым в 1874 г. Вероятно, это произошло в самом конце 1874 г., так

как назначение последнего генерал-губернатором состоялось 1 января 1875 г.

Вот что вспоминал позднее Н.М. Ядринцев: «Он (Н.Г. Казнаков. – С.Н.) совершенно очаровал меня: показал мне, что он читал книгу Наумова («Сила солому ломит»). СПб., 1874. – С.Н.), мою книгу «Русская община» и вообще интересуется живо сибирскими вопросами. «Скажите, что я могу сделать для Сибири?» спрашивал он. Передав на словах о нуждах нашей окраины, я просил позволения представить ему записки и проекты по главным вопросам, между прочим, о ссылке, с программой сведений, какие необходимо собрать о современном положении ссылки и по истории вопроса о сибирском университете. Мысль об университете живо заняла генерал-губернатора Казнакова». Далее Н.М. Ядринцев пишет: «Я был в восторге, что нашел администратора, который так живо отзывался на сибирские вопросы». После этого он по поручению Н.Г. Казнакова в течение нескольких недель написал ряд записок по университету. Н.М. Ядринцев вспоминал: «Когда я ему передавал последние работы, я нашел Н.Г. Казнакова в мундире, возвратившегося из дворца. Он передал мне радостную весть, что государь согласился на создание университета в Сибири и поручил ему выработать проект. Н.Г. Казнаков поздравил меня как сибиряка, и поцеловал. Я принял этот привет и поздравление нового друга Сибири. Для Сибири начиналась новая заря» [22. С. 102]. Вскоре Н.М. Ядринцев был приглашен генерал-губернатором для работы в Омске, где участвовал в составлении ряда записок.

В воспоминаниях, опубликованных в 1888 г., Н.М. Ядринцев дополнил этот эпизод следующими подробностями: «Помню, что вскоре я бежал по Литейной в одну из редакций, совершенно отуманенный. Улицы, дома для меня не существовали. Я переносился мыслью в далекое прошлое, когда мы мечтали юношами о том, чему суждено свершиться через много лет» [38]. Эту же версию о роли Н.М. Ядринцева в университетском вопросе изложил в своих воспоминаниях и публикациях в периодической печати Г.Н. Потанин, как признался он, «рассказывая факты по словам, которые слышал от Ядринцева» [26. С. 299–301].

Несколько иначе выглядит эта история в воспоминаниях В.М. Флоринского, в то время члена ученого комитета при Министерстве народного просвещения. Флоринский пишет, что в марте или апреле 1875 г. он впервые встретился с Н.Г. Казнаковым, только что назначенным генерал-губернатором Западной Сибири. Во время личного общения он напомнил собеседнику о проекте Сибирского университета А.С. Норова и высказал мысль, что Казнаков «осчастливил бы Сибирь если бы... снова возбудил вопрос о высшем учебном заведении для этого обездоленного края». Казнаков, по словам Флоринского, «принял живое участие в этих мечтах и разговорах по этому поводу, но заметил, что вопрос об организации университета слишком сложен для того, чтобы его разработать в Омске, где в числе чиновников генерал-губернатора едва ли найдутся люди, достаточно компетентные для разработки такого проекта» [9. С. 82].

Спустя несколько дней В.М. Флоринский снова случайно встретился с Н.Г. Казнаковым, на этот раз у

графа Д.А. Толстого, в то время министра народного просвещения. Граф не только сочувственно отнесся к предложению об учреждении университета в Сибири, но даже, по словам Флоринского, «с некоторым увлечением», и пообещал Казнакову оказать полное содействие, если царь согласится на постановку такого вопроса, и, по словам Флоринского, тут же указал на него как на лицо, «могущее дать черновой материал для проекта представления из Омска о Сибирском университете». В.М. Флоринский выразил полную готовность собрать в короткое время необходимый материал для предполагаемого проекта. Вскоре он вручил Н.Г. Казнакову записку на предмет открытия университета в Сибири. И далее Флоринский приводит извлечение из сохранившегося у него чернового варианта записки, в которой он обосновал необходимость этого, сделал примечание, что Н.Г. Казнаков воспользовался запиской «только в незначительной части, особенно по числу и распределению факультетских кафедр, чрезмерно сокращенных». В записке Флоринский не только привел веские аргументы в пользу создания в Сибири университета, но и высказался в пользу Томска как будущего университетского города и предложил принимать в число студентов наряду с гимназистами воспитанников духовных семинарий, а на медицинский и физико-математический факультеты – воспитанников реальных училищ с дополнительным экзаменом по латинскому языку. «В личном архиве Флоринского, – пишет Е.В. Ястребов, – сохранилась «Черновая записка проекта Томского университета», датированная 1875 годом. К сожалению, ни месяц, ни день не указаны. На полях черновика рукою Василия Марковича написано: «Этот проект Казн[аков] должен взять с собой и осе- нью прислать от своего имени в мин[истерство] нар[одного] просвещения» [9. С. 82–87; 41. С. 48].

Далее он признает, что его записка была лишь черновым материалом для составления формального представления о Сибирском университете, которое после предварительного одобрения царя Н.Г. Казнаков должен был направить из Омска в Министерство народного просвещения. После рассмотрения проекта в министерстве оно передавалось в Государственный Совет. Один экземпляр своей записки В.М. Флоринский вручил графу Д.А. Толстому, пояснив ему на словах, что лично он в Сибири не бывал, а знает о ней по литературе, письмам и рассказам знакомых, живущих там. Толстой, вспоминая Флоринский, нашел записку основательной и вполне согласился с мнением Флоринского, что из сибирских городов в качестве университетского центра наиболее подходит Томск.

В своих воспоминаниях Флоринский не мог не высказаться и в связи с намерением Н.М. Ядринцева «поучаствовать» в судьбе будущего Сибирского университета. Если верить ему, то Ядринцев явился к нему в Петербурге и передал проект «Общества для основания университета в Сибири» с просьбой высказать свое мнение и ознакомить с проектом графа Д.А. Толстого. «Прочитав их (бумаги с проектом. – С.Н.), – пишет В.М. Флоринский, – я тотчас же сказал г. Ядринцеву, что проект его неуместен и неосуществим и что я считаю неудобным говорить об этом г. министру. На этом дело и остановилось» [10. С. 590].

Незадолго до отъезда в Омск Н.Г. Казнаков сделал доклад Александру II о своевременности возбуждения вопроса о Сибирском университете. 25 апреля 1875 г., пишет Флоринский, царь «всемилоостливейше повелеть соизволил генерал-адъютанту Казнакову: «Подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из сферы своей людей сведущих и образованных, в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения и, по ближайшему и всестороннему обсуждению этого проекта, повергнуть, через министерство народного просвещения, на высочайшее его императорского величества воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета» [9. С. 87–88].

3 ноября 1875 г. Н.Г. Казнаков уже из Омска направил в министерство свой проект Сибирского университета, который только отчасти учитывал содержание записки, составленной В.М. Флоринским [7. Л. 43–57]. Флоринский пишет, что проектируемый Казнаковым университет «представлял собою нечто вроде профессиональной школы среднего разбора. О серьезной постановке учебного, а тем более ученого дела в Сибири при такой организации не могло быть и речи». Далее он заключает: «Я до сих пор затрудняюсь объяснить себе, под чьим влиянием или давлением Николай Геннадьевич согласился на такие урезки, но в них ясно проглядывает исключительно экономическая цель, чтобы новое высшее учебное заведение становилось каким-то убудком и не достигалась цель правительства – готовить для Сибири равносильных и равноправных образованных врачей, юристов и учителей. Первое мое впечатление по прочтении этого убогого проекта было таково, что лица, его составившие, или имели слабое понятие об университетском строе, или умышленно желали поставить Сибирский университет в такие неблагоприятные условия, чтобы он на первых же порах своего существования фактически доказал свою несостоятельность, следовательно, преждевременность и ненужность поднятого о нем вопроса» [9. С. 88].

В последующем, как пишет В.М. Флоринский, он получал от Н.М. Ядринцева из Омска, где тот служил в канцелярии Н.Г. Казнакова, письма, в которых отстаивал необходимость открытия университета в Томске, а не в Омске. Частью данных, предоставленных Ядринцевым, Флоринский, по его словам, воспользовался при работе в комиссии по выбору университетского города [10. С. 591].

Вполне можно согласиться с мнением биографа В.М. Флоринского Е.В. Ястребова, что Н.Г. Казнаков как государственный чиновник и незаурядная личность мог пользоваться (и наверняка пользовался) информацией из разных источников. Когда речь зашла о будущем Сибирском университете, он получал информацию по интересующему его вопросу как от Н.М. Ядринцева, так и от В.М. Флоринского. Тем более, что незадолго до этого последний в составе комиссии Министерства народного просвещения ознакомился с состоянием дел во всех российских университетах. В своих воспоминаниях В.М. Флоринский вовсе не пытался вычеркнуть имя Ядринцева из истории Сибирского университета.

Таким образом, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и другие представители сибирского областничества в 60-е – первой половине 70-х гг. XIX в. всеми доступными средствами (лекции, статьи в газетах и журналах) настойчиво пропагандировали идею открытия в Сибири университета, который должен был, по их мнению, стать не только образовательным учреждением, но и научным, культурным центром Сибири. Тем самым они подготавливали почву для окончательного решения вопроса об университете на государственном уровне. И прав был Г.Н. Потанин, когда писал о Ядринцеве, что тот «...наполнил си-

бирский воздух нетерпеливым ожиданием видеть областную мечту (университет. – С.Н.) наконец осуществленной, кто жил одними только просветительскими интересами края и никакими другими, кто завещал своим землякам смотреть на родной университет, как на самую дорогую святыню...» [33]. В.М. Флоринский в свою очередь сыграл важную роль тогда, когда вопрос об открытии университета в Сибири решался в правительственных кругах. Именно это и произошло во второй половине 70-х гг. И тот и другой навсегда связали себя с историей первого в Сибири университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианов А.В.* Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
2. *Балбеко А.М.* Развитие региональной системы высшего образования: Историко-педагогический аспект (на материалах Сибири 1917–1941 гг.). М., 2002.
3. *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 2.
4. *Восточное обозрение.* 1887. № 17.
5. *Восточное обозрение.* 1888. № 29.
6. *Гемуев И.Н., Гуцина С.А.* Ученые-сибиреведы и первый сибирский университет // Сибирский этнографический вестник. 2004. № 17(18).
7. *Государственный архив Томской области.* (ГАТО) Ф. 125. Оп. 1. Д. 474.
8. *Еще о Сибирском университете* // Восточное обозрение. 1886. № 20.
9. *Заметки и воспоминания В.М. Флоринского* // Русская старина. 1906. Январь.
10. *Заметки и воспоминания В.М. Флоринского: 1865–1880 гг.* // Русская старина. 1906. Июнь.
11. *Захаренко А.Л.* Персональный состав сибирских землячеств (1850–1865 гг.) // Краеведение: Научно-популярный журнал Павлодарского государственного университета. 2004. № 1.
12. *Из речи А.И. Дмитриева-Мамонова при закладке здания Сибирского университета* // Описание праздника, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года, по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880.
13. *Изменения в обществе и классический университет: История и современность* / Н.Н. Абакумова, Т.Г. Бохан, О.А. Брылева и др.; Отв. ред. О.М. Краснорядцева, С.Ф. Фоминых. Томск, 2005.
14. *Исторический вестник.* 1894. № 8.
15. *История просвещения в Сибири и университетский вопрос* // Сибирский сборник. 1886. Кн. 3.
16. *Красильников С.А., Кликушин М.В.* Анатомия одной идеологической кампании: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
17. *Красильников С.А.* Наука в Сибири: Конец 1920-х – 1930-е годы. Новосибирск, 1999.
18. *Красильников С.А.* Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995.
19. *Красильников С.А.* Социальный статус ученых в годы «Великого перелома» // Роль науки в освоении восточных районов страны. Новосибирск, 1992.
20. *Красильников С.А., Сергеевых Г.П.* Ученые и политический режим в 30-е гг. (по материалам Западной Сибири) // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск, 1991.
21. *Крюков В.М., Сагалаев А.М.* Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.
22. *Лемке М.* Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк. К десятилетию со дня кончины. СПб., 1904.
23. *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 1998.
24. *Манассеин В.С.* Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924.
25. *Могильницкая К.И.* Очерки становления высшего образования в Сибири: К 120-летию со дня основания Томского университета, 110-летию его открытия и 100-летию экономического образования в Сибири. Томск, 1997.
26. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
27. *Потанин Г.Н.* Областническая тенденция в Сибири // К 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915.
28. *Потанин Г.Н.* Письма. Иркутск, 1977. Т. 1.
29. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. СПб., 1902.
30. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 565. Оп. 4. Д. 15179.
31. *Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избранные статьи биографический очерк.* Томск, 1915.
32. *Сибирская жизнь.* 1906. 1 ноября.
33. *Сибирская жизнь.* 1906. 2 ноября.
34. *Университетский вопрос и народное образование в Сибири* // Сибирская жизнь. 1913. 22 окт.
35. *Шиловский М.В.* «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004.
36. *Щедров И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Омск, 1883.
37. *Ядринцев Н.* Потребность знания на Востоке: по поводу сибирского университета // Томские губернские ведомости. 1864. № 5
38. *Ядринцев Н.* Светлые минуты: Из воспоминаний прошлого ко дню открытия университета // Восточное обозрение. 1888. № 29.
39. *Ядринцев Н.М.* Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 16.
40. *Ядринцев Н.М.* Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919.
41. *Ястребов Е.В.* Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994. С. 48.

Статья представлена кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 30 сентября 2005 г., подписана к печати 14 ноября 2005 г.